

К ЮБИЛЕЮ ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА КАЗАХСКОЙ ССР Т. Ф. ЗЕЛЕНИНА

Я С ВОЛНЕНИЕМ перелистываю тронутые временем листочки. 1931 год, 1935, 1942... В программах, рецензиях — почти везде я нахожу слова «к бесспорной удаче спектакля...» и дальше — знакомую многим карагандинцам фамилию Т. Ф. Зеленина.

Юбилей... Чем-то немного грустным веет от этого слова, отождествляемого часто с понятием «итог». Но оно и обязывает, это слово: юбилейр отчитывается перед зрителем своим искусством, желанием и умением передать богатый опыт молодежи, всей своей жизнью. И юбилей вовсе не значит финиш, эстафета продолжается. Ведь сейчас только и работать, радовать людей своим мастерством: столько лет отдано сцене, есть что рассказать!

...С мальчишкой-сиротой, повидавшим много горя, больше, чем можно взвалить на двенадцатилетние плечи, произошло чудо. Ему вот уже многие годы рукоплещут театралы многих городов самой театральной страны мира. Бывшему беспризорнику Тимке Зеленину посвящаются рецензии, зрители в адрес алтайского рабочего паренька посылают слова благодарности и восхищения. Ну, конечно же, с ним произошло чудо, но чудо это типично для моей страны.

— Я до сих пор вижу себя участником агитбригады, что исколесила почти весь Казахстан, — вспоминает Тимофей Федорович. — Мы не думали о лаврах, о неудобствах и сне. Нам было некогда. Нас ждали на разъездах и полустанках, ждали после нелегкой работы. И не было случая, чтобы мы подвели своих неискушенных, но всегда благодарных зрителей.

Юбилеяря принято говорить слова теплые и приятные. Я видела, как теплеют глаза у коллег Тимофея Федоровича, когда они разговаривают с ним. Кому-то надо поведать о своих затруднениях, у кого-то не ладится с ролью, иногда

нужно проверить, «сдвинулся» ли образ, и кто лучше Тимофея Федоровича с его опытом и деликатной прямолинейностью скажет о недоделках и достоинствах? Идут актеры, технические работники, нередки разговоры с режиссурой,

Островского. Кто же из них оставил наибольший след в сердце взыскательного, до удивления требовательного к себе актера, с кем не хотелось расставаться более всего?

бывательность к себе, и уважение к зрителю, и, конечно, работа. «Публичное одиночество» — эти старые, мудрые, перевернувшие когда-то актерский мир слова волнуют и поныне. Это необходимейшее

Нет большего счастья для людей, посвятивших себя сцене, чем слияние со зрителем, и нет большей горечи, чем та, что приходит от холода и пустоты в зале. Если за актером не стоит личность, если у него ленивое и равнодушное сердце, не способное болеть болью других, никогда у его зрителей не повлажнеют глаза от счастья и страдания, а образ, созданный им, пройдет мимо, не оставив в душе следа.

И можно только позавидовать юбилеяря с юными глазами. Тридцать пять лет он радует карагандинцев своим горячим искусством. Впереди еще много радостных, значительных встреч со зрителем, много актерских побед и сомнений — всего того, из чего состоит жизнь настоящего художника.

Л. КЛЕПИКОВА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Неравный брак». В роли Георгия Кузьмича — заслуженный артист Казахской ССР Тимофей Федорович ЗЕЛЕНИН. В роли Кати — артистка Людмила АРТЕМЕНКО.

Фото Б. МУРТАЗИНА.

ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ
ПОРЫВЫ

далекие, казалось бы, от его личных дел и работы. Утомительно, хлопотно, а Тимофей Федорович радуется: значит, нужен людям. Он прав: каждому человеку необходимо ощущение собственной значимости, а с годами вдвойне. И снова приходят, всплывают в памяти слова много лет проработавшего вместе с Зелениным директора театра имени Станиславского В. К. Борисова:

— Редко кто так знает театр и театральное дело во всех его проявлениях, как Тимофей Федорович. Он не только актер великолепный. Осветитель, гример, помощник режиссера, сам не раз спектакли вел. Да, пожалуй, нет такого дела в театре, с которым он бы не справился.

— Около трехсот ролей сыграно за эти годы, — рассказывает Т. Ф. Зеленин. — И если честно посмотреть себе в глаза, могу сказать, что три-четыре, не больше, дали мне право назвать себя актером. Остальные — поиски. Поверьте, это не фраза.

Я смотрю длинный перечень ролей за сорок сценических лет. Скорцов в «Ленинградском проспекте» И. Штока, Дедов в шатровском «Глебе Космачеве», Казанок в «Кремлевских курантах» Н. Погодина, Голубь в «Истории одной любви» К. Симонова, персонажи Гоголя, Горького, Чехова, Шоу, Шеридана, Шекспира,

— Любимые роли? Ну, какие там масштабные, об этом и речи нет. Но в сердце запали на всю жизнь. Я видел глаза своих зрителей, слышал, как всякий раз замирал зал, и люди были вместе со мной. Мне даже казалось, что мы в тот момент и дышали, и думали одинаково. Это было в спектакле «Пограничники». Есть там маленькая роль колхозника, задержавшего диверсанта. Она принесла мне такое острое, понимаете, до боли острое ощущение счастья, что я и сейчас вижу это так же ярко и четко, как много лет назад.

Это редкое чувство сопереживания и нерасторжимого контакта со зрительным залом Т. Ф. Зеленин пережил и в спектакле «Я люблю тебя, жизнь» в роли шахтера Лукича. И ни одно выступление на зрительской конференции после этого спектакля не принесло столько радости и ощущения удачи, как молчаливое рукопожатие старого карагандинского шахтера. Эта роль надолго стала любимой, не раз согревала в минуты неизбежных неудач и сомнений.

Трудно назвать все, из чего складывается актерская удача. Тут и одаренность, и тре-

из актерских состояний при-сутствует Зеленину, как элементнейшее из человеческих побуждений. Внутренняя раскованность, отличная пластика, органичное слияние с образом делают работы Зеленина достоверными и близкими сидящим в зале. И воцаряется та красноречивая тишина, что лучше всего говорит о таинственной, великой работе мысли; и звучит желанный смех, и шум негодования пронесется по рядам, вызванный страстной репликой актера.

